

МОРФОЛОГИЯ

Н. Н. ШИРОБОВА

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ТИПЫ В СИБИРСКОМ АРЕАЛЕ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ДАННЫМ*

На территории Сибири существовали (самостоятельно или в составе более крупных союзов) древние тюркские племенные объединения и государства: теле (токуз-огузы), орхонские тюрки, уйгуры, кыргызы и др. Все множество языков, на которых говорили эти племена, принято объединять в несколько крупных языковых типов: орхонский (огузский), уйгурский, кыргызский.

Древние орхонские тюрки и древние уйгуры оставили на территории Монголии и Сибири письменные памятники, которые позволяют составить представление о языках того времени, несмотря на наддиалектный характер языка большинства памятников (так называемое «степное койне»). И древние уйгуры, и древние кыргызы в период VIII–X вв. писали на этом языке, поэтому представление о уйгурском типе, отличном от орхонского, опирается, в основном, на языковые данные памятников, составленных в более позднее время, на другой территории и на другой графике, написанных в другой политической ситуации и этнокультурной среде.

О языке кыргызов можно судить по некоторым языковым особенностям енисейских памятников, но диалектные черты, проявляющиеся в них, немногочисленны и язык принадлежит в основном к тому же типу, что и язык орхонских тюрков. Поэтому при определении черт кыргызского языка мы опираемся на распространение на территории, исторически связанной с древними кыргызами, языковых форм, которые не встречаются за пределами этого ареала.

Играет роль и последовательность смены правящих государствообразующих тюркских племен, территории, на которые распространялось их влияние, а также дальнейшая судьба этих народов, так как в результате сложной политической истории при смене гегемонии одного государства другим и, следовательно, изменении роли разных этносов, менялось также распространение и степень влиятельности языков. Орхонских тюрков сменяли уйгуры, уйгуров – кыргызы, кыргызов разбили монголоязычные кидани. Смена политической гегемонии сопровождалась, особенно в случае с орхонскими тюрками и уйгурами, уходом большей части этих этносов с территории Сибири, что существенно меняло лингвистическую ситуацию.

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 01-04-00274а и № 00-04-00220а.

Об особенностях древнекиргизского языка, о том, что это особый язык, отличный от орхонского и уйгурского, можно судить по материалам современного киргизского и тюркских языков Южной Сибири: эти языки имеют одинаковую систему глагольных форм первичных и вторичных, такая система могла сложиться в результате распространения древнего киргизского языка в группе родственных языков (Убрятова, 1973, с. 215).

В якутском языке сохраняется много архаичных черт, сближающих его с языком орхонских и древнейших уйгурских памятников. Например: 1) сохранение в лично-притяжательном склонении усеченной формы древнего направительного падежа –гар; 2) сохранение древней формы винительного падежа -(ы)н; «Аффикс -ы(н) регулярно появляется в енисейско-орхонских памятниках во всех случаях, когда имя нарощено аффиксом принадлежности. То же наблюдается в современном якутском языке» 3) якутский язык сохраняет такую особенность языка памятников, как согласование в падеже однородных членов предложения. Во всех других тюркских языках общий морфологический элемент, по выражению А. И. Кононова, «выносится за скобку» (Убрятова, 1950, с. 230).

Якутский язык, сохраняя ряд уйгурских форм (-gu), не имеет уйгурских аффиксов принадлежности 2-го лица множественного числа. По употреблению этого аффикса тюркские языки могут быть распределены по двум типам:

1) а) *һыз* и его варианты (аз., гагауз., каз., каракалп., ногой., бараб., крым.-тат., тур., туркм., узб.),

б) *ғыз* (башк., к.-балк., кумык., тат.),
в) *ғыт* (як.).

2) *һлар* и его варианты:

а) *һлар* (уйг., чул.);
б) *һар* (кирг., тоф., тув., хак.).

В памятниках орхонско-енисейской письменности встречается один тип, и лишь в древнеуйгурском наблюдаются аффиксы I и II типов. Форма на *һлар* развивается, по предположению В. М. Насилова, для выражения почтительного отношения. Постепенно она вытеснила форму на *-һыз*. Под влиянием уйгурского языка эта форма развилась в киргизском и языках Южной Сибири (Тарасенко, 1974, с. 238–240). Якутский сохранил более древнюю форму, которая сближает его с огузским и кыпчакскими языками, переход $\eta > \gamma$ и $z > t$ закономерен для якутской фонетики. Более поздней уйгурской формы он уже не знает.

К древнейшим особенностям якутского языка можно отнести образование первой формы условного наклонения при помощи аффикса *тар* (др. т.-*sar*) и аффиксов сказуемости. Уже в уйгурских текстах XI–XV вв. аффиксы сказуемости заменяются аффиксами принадлежности. Хотя в ‘Кутадгу билиг’ еще сохраняется древняя форма условного наклонения с аффиксами принадлежности (Насилов, 1974, с. 91). Такая же замена на второй

тип спряжения произошла в сибирских тюркских языках (Батманов, Аргачи, Бабушкин, 1962, с. 193), вероятно, под влиянием кыпчакских языков.

Особенно ясно тесная связь якутского с языками орхонских и уйгурских памятников прослеживается в системе причастий (Убрятова, 1985б, с. 29, 41, 271). Но кроме черт, указывающих на генетическую близость якутского языка с языками орхонских и уйгурских памятников, следует отметить, что в якутском языке сохранились формы, свидетельствующие о тесных контактах древних якутов с енисейскими киргизами. Е. И. Убрятова выделила ряд вторичных причастных форм, которые объединяют языки Южной Сибири, киргизский и якутский:

- а елек (кирг.), -а илик (як.), -галак (алт., хак., шор., тув.);
- оо, -уу (кирг.), -уу (алт.), -ыы (як.), -ыг (хак., шор., тув., чул.);
- оочу (кирг.), -аачы (алт., хак., шор., тув., як.);
- уучу (кирг.), -ыкчы (тув.), -ыыһы (як.);
- чу (кирг.), -чы (алт., хак., шор.), -чы (як.);
- чаан (алт.), -чан (хак., шор., чул.), -чан, -нан (як.);
- чук (кирг.), -ык (алт.), -чых (хак., шор., тув., як. (-аач-чых?)) (Убрятова, 1985, с. 53).

О возрастании влияния киргизов, о территории, на которую распространилась их культура в Южной Сибири, говорит таблица, составленная Д. Г. Савиновым (Савинов, 1984, с. 174).

Даты (вв.)	Алтай		Западная Тува	Хакасия
	Степной	Горный		
IX–X	Сросткинская культура	Поздний этап курайской культуры. Алтайский вариант культуры енисейских киргизов	Поздний этап курайской культуры. Тувинский вариант культуры енисейских киргизов	Уйбатский этап культуры енисейских киргизов
VII–IX	?	Туэктинский этап		Копёнский этап
VII–VIII	Катандинский тип	Катандинский этап		Капчальский (?) этап
VI–VII		Кудыргинский тип		Утинский этап
V–VI	Верхнеобская культура	Берельский тип	Поздний этап кокзельской культуры	Тепсейский этап таштыкской культуры

По историческим данным курыканы и туба также находились некоторое время под властью киргизов (Вайнштейн, 1974, с. 189).

Относительно времени ухода предков якутов (предположительно курыкан) с территории Прибайкалья на Среднюю Лену существуют разные точки зрения. Это переселение датируется и X в. (В. М. Надеяев – курыканы уходят под давлением киданей), и XIII в. (Ст. Калужинский – курыканы

уходят под давлением монголов Чингисхана), и более поздним периодом, вплоть до XV–XVI вв. Но со времени ухода курыкан из Прибайкалья контакты их с другими тюркскими народами Сибири полностью не прерываются. Переселение, фильтрация кочевых племен в ленско-алданское междуречье происходило постепенно, в течение нескольких веков, о чем свидетельствуют работы якутских археологов и историков (Н. В. Константинов, А. И. Гоголев, А. Н. Алексеев).

Уйдя на территорию Средней Лены, предки якутов принесли сюда и язык, сформированный на базе языка, сходного с языком орхонских тюрков и включающего также значительное количество элементов, позднее определяемых как уйгурские. Но некоторые элементы, общие для якутского языка и языков Южной Сибири, можно определить как киргизские. В области глагольной морфологии общесибирскую изоглоссу образует причастие на =а илик ~ =галак, которое присутствует в якутском, хакасском, шорском, чулымско-тюркском, тувинском, алтайском, барабинском диалекте сибирских татар и, за пределами Сибири, киргизском языке и в языке фуюйских киргызов. Это единственная из выделенных как киргизские форм, распространение которой не выходит за пределы сибирских и киргизского языков. Особенно значимо наличие этой формы в языке фуюйских киргызов. Э. Р. Тенишев доказал, что фуюйские киргызы – это осколок енисейских киргызов: они отделились от основной группы киргызов во второй половине XII в. Сохранившийся в преданиях Фуюйских киргызов топоним Алтай, который понимается ими как прародина, истолковывается Э. Р. Тенишевым как название местности Алтай на крайнем востоке Хакасии, юго-восточнее Абакана. Сейчас там проживают качинцы и койбалы. На основании данных этого языка можно судить о языке енисейских киргызов XVI–XVII вв. Киргизский язык, взаимодействуя с языками разных племен, образовал хакасский язык со всеми его диалектами. Через кызыльский диалект хакасского языка енисейских киргызов участвовал в формировании языка чулымских тюрков. Язык фуюйских киргызов обнаруживает близость с шорским и языком сарыг-югуров. Генетические связи существуют между языком лобнорцев и северными (более архаичными) говорами киргизского языка (Тенишев, 1997, с. 456). О языке лобнорцев С. Е. Малов писал, что «язык желтых уйгуров и лобнорцев можно объединить, приняв во внимание многие внешние условия этих народов, которые и наложили на их язык свои черты. Это два древних языка, а язык лобнорцев есть древний разговорный язык древних киргизов» (Малов, 1956, с. 5). Ограниченность языковых данных по этому языку связана с тем, что к тому времени, когда он стал доступен исследователям, он быстро подвергся ассимиляции со стороны уйгурского языка (Тенишев, 1995, с. 232), не дает возможности определить была ли в нем форма на -галак.

Глагольные формы с такой же семантической структурой – значение еще не совершившегося действия – отмечены в монгольских языках. Мож-

но принять гипотезу о возникновении этой формы в зоне контакта монгольских языков с тюркскими. Источником этой формы в тюркских языках Сибири, скорее всего, является древнекиргизский язык, так как именно киргизский язык дает достаточно данных для непротиворечивой этимологии этой формы (наличие модальной отрицательной частицы *elek*). Для якутского и других языков Южной Сибири эта форма может рассматриваться как результат влияния древнекиргизского.

Ф. Ю. Юсупов центром ареала форм на -галак считает тувинский, алтайский, хакасский, дальше изоглосса охватывает якутский и киргизский языки. Барабинский диалект образует зону вибрации. На границе тоболо-иртышского диалекта изоглосса -галакта-галак затухает (Юсупов, 1985, с. 83).

Она употребляется в барабинском диалекте уже как связанная причастно-падежная форма на -галак-та. По употреблению она близка к деепричастию на -ган-чы, сочетанию -мас борон и передает действие, предшествующее основному действию: *Угуын нетергэлэжтэ иргэ гитте* – ‘Вышла замуж не окончив учебы’; *Алтмышқа йеткэлэж-тэ үлөп күйтө* – ‘Умер, не дожив до шестидесяти’.

Но эта же форма стала базой для формирования будущего ожидаемого действия, выражая близкие к моменту совершения, но еще не совершившиеся действия: *Мин амылтан киткэлэжмен* – ‘Я еще не уехал из деревни’; *Сес гурытка паргалакма?* – ‘Вы еще не ездили в город?’.

В составе единичных прилагательных этот аффикс встречается в башкирском и в казанском говоре татарского языка: *қачқалак* ‘убегающий’, *көйгелек* ‘беспокойный’ (Юсупов, 1985, с. 82).

Из современных сибирских языков не знает этой формы тофский. Но проведенное В. И. Рассадиным сопоставление собранных им данных по тофскому (тофаларскому) языку с данными М. А. Кастрена, полученными им в 1847 г.) показало, что тофский язык эту форму утратил (Рассадин, 1978, с. 275).

В якутском языке это активная форма, образующая особое наклонение (Коркина, 1970, с. 249), причастная форма, часто принимающая различные падежные показатели, склоняется, принимая аффиксы сказуемости при изменении временной отнесенности, принимает вспомогательный глагол э и сохраняет сложную семантику ‘еще не совершившееся + ожидаемое действие’. В якутском на базе этой формы образовано особое наклонение еще не совершившегося действия. Это достаточно широко употребляемая форма, сохраняющая специфическую семантику: ‘действие еще не произошло + действие должно произойти’. В алтайском языке форма на -галак больше смещается в план прошедшего и может замещаться отрицательной формой причастия -баан. Такой же процесс К. Шёниг описывает для языка фуюйских киргызов. К сожалению, диалектологических материалов по распространению формы на -галак и вытеснению ее формой на -баан нет, но из

опросов носителей алтайского языка видно, что в некоторых говорах эта форма выходит из употребления. В тувинском языке она смещается в зону будущего времени, приобретая значение ближайшего будущего.

В тувинском языке М. И. Черемисиной и Л. А. Шаминой выявлена отрицательная форма этого показателя.

В 1981 г. во время экспедиции в Туву Л. А. Шамина и М. И. Черемисина проводили проверку употребления формы на =*галак* у носителей тувинского языка. Опрос населения Тоджинского р-на пос. Тоора-Хем, Азас, Ий показал, что в языке носителей этого диалекта причастие на =*галак* вообще не употребляется. Информанты, с которыми работали лингвисты, ни разу не дали примеров на данную форму. На прямые вопросы относительно предложений, содержащих форму на =*галак* в литературном языке, следовало два типа ответов: 'я так не говорю' и 'такой формы не знаю, это неправильно', 'где-то слышал, кажется, на западе так говорят'.

Существенно другая ситуация в Центральном р-не: причастие на =*галак* употребляется как в простом, так и в сложном предложениях. Но в функции зависимого сказуемого его вытесняет форма на =*баанда*. Кроме «положительной» формы, Л. А. Шаминой и М. И. Черемисиной впервые удалось зафиксировать форму на =*баалак*. В силу специфики своего значения (форма на =*галак* имеет только одну форму статуса), в тувинском сформировалась псевдоотрицательная форма на =*баалак*. Информанты считали, что смысл фраз при замене форм =*галак* на =*баалак* не меняется. В результате тщательного экспериментального исследования выяснилось, что форма на =*баалакта* в своей противопоставленности форме на =*галакта* представляет действие, которое еще не начало совершаться или начало его совершения не дано говорящему в наблюдении, тогда как форма на =*галакта* соотносится с уже начавшимся или начинающимся действием (Шамина, Черемисина 1982, с. 58–60).

Сохраняется эта форма и в хакасском языке, но она, вероятно, очень редко употребляется. Единственный пример получен нами от К. Н. Бурнаковой:

Пабзы төреен палазын аш даа көрбеелек пала төреен, че пабазы ам дааа көргелек – 'Ребенок родился, а отец его еще не видел'.

Положение, которое нужно учесть при толковании этой формы, это наличие форм с такой же семантикой в монгольских языках.

В монгольских языках есть причастие, которое Ал. Бобровников назвал «причастие настоящее прошедшее неоконченное» (Бобровников, 1849, с. 136, 137), в современных грамматиках монгольского языка его называют причастием настоящего времени. Отмечено это причастие и в памятнике XVII в., летописи «Алтан тобчи» («Золотой свод»), написанной монахом Лувсан Данзаном. Летопись была обнаружена в 1926 г. и известна по единственному найденному в Монголии списку. Хотя сама рукопись относится к XVII в., исследователи-монголоеды пришли к выводу, что автор имел в

своём распоряжении древние монгольские тексты, возможно и текст «Сокровенного сказания», написанный на уйгуро-монгольском алфавите и не сохранившийся, но именно такой текст использовался для фонетической записи «Сокровенного сказания» китайскими иероглифами (Орловская, 1984, с. 15). М. Н. Орловская выделяет в языке этого памятника причастия на -*ү-а/-д-е*, происхождение которых Рамстедт (1935, с. 85, 86) и В. Л. Котвич (1952, с. 302–304) связывали с тюркским суффиксом деепричастия на -*а*.

В положительной форме это причастие обозначает действие, которое началось в прошлом и продолжает существовать в последующем отрезке времени:

Ejen noyirsay=a ajuyu – 'Государь еще (оказывается) почивал' (т. е. продолжал спать). Причастие *niyirsay=a* указывает на то, что начавшееся в прошлом действие еще продолжается в тот момент, о котором идет речь. Связка в прошедшем времени *ajuyu* показывает, что действие является прошлым по отношению к моменту речи.

М. Н. Орловская указывает на то, что положительная форма этого причастия встречается в предикативной функции редко. Чаще встречается отрицательная форма с отрицательной постпозитивной частицей *dui / edui / edüküi*:

Ejen minu jeb qadayadi bile – 'Государь, [я] еще не пристегнул [колчан со стрелами]'. В таких случаях причастие обозначает, что действие еще не произошло, но его совершение ожидается. Отрицательная форма нередко употребляется и в обстоятельственной функции, обозначая:

а) действие, не совершавшееся в прошлом:

Buyan Sečen qayan=u köbegün Mangyus tayiji qan orun sayuyadi nögçibe – 'Сын Буян Сэгэн-хагана Мангустайджи скончался, еще не сев на ханский престол';

б) еще не совершившееся, но ожидаемое:

Činggis qayan=i bosuy=a edui orun dotura бүкүи=dür... – 'Когда Чингиз-хаган, еще не вставая, находился в постели...';

в) ожидаемое, но прерванное каким-либо другим действием:

Ögelen eke=yi dongyadyu=a edüi Borte üjin ögülerün – 'Матушка Огелен еще не промолвила и слова, как Бортеуджин сказала...';

г) еще не совершившееся в какой-то момент прошлого, когда уже имело место другое действие:

Čayadai čimai=yi törüge edüi olan qaračus=i quray=a edui qan ečiçe=dür činu küčün öggür=ün bi – 'Когда ты еще не родился, Чагадай, и еще не собирався народ, я уже служил твоему отцу'.

Отрицательная частица *edüküi* может принимать показатель местного падежа (ср. *галак=ма*) *edüküi=e*:

Quildar yaran=ıyan anay=a edüküi=e ... gögrögesün=dür dobtulqu bolun ügderejü nögçibe – 'Когда рана еще не зажила, Хуйлдар погнался за антилопой, [рана] обострилась и [он] скончался'.

Указанное отрицательное причастие может выступать и в определительной функции – характеризует предмет с точки зрения действия, **которое еще не произошло, но должно произойти**:

Namai=yi kürüge edüi irgen=dür Kürtügei Qamuy=a edüi irgen=i qamuyai – ‘Пусть дойдет до народа, до которого еще не дошел я! Пусть соберет воедино еще не собранный народ!’.

Эта форма могла субстантивироваться и употребляться как прямое дополнение: *üjedüi=yi üjegülügçi* (АТ II, с. 128) – ‘Позволяющий увидеть еще не увиденное’ (Орловская, 1984, с. 132, 133).

Эта форма причастия настоящего времени (Орловская, 1984, с. 8) времени с отрицательными частицами *-гүй, -дүй* (< монг. п. *üdei, edüi*) употребляется в современном монгольском и бурятском языках, в калмыцком вместо причастия настоящего времени употребляется разделительное деепричастие с частицей *уга* ‘не’: *болад уга хот* ‘пища, которая еще не сварилась’, *э дгад уга шарх* ‘еще не зажившая рана’ (Пюрбеев, 1993, с. 141).

Сопоставление моделей с причастиями *-aa-гүй-дэ* и *-aa-дүй-дэ*, проведенное Е. К. Скрибник (Скрибник, 1988, с. 63), показало, что эта форма причастия с дательно-местным падежом формирует модель со значением предела во времени с отрицательной частицей *гүй* ‘пока (не)’, образуя форму зависимого сказуемого *-aa-гүй-дэ*. В зависимости от того, отрицательная или положительная форма глагола стоит в главном сказуемом, формируется семантика начального или конечного предела во времени:

Эсэынгээ ер=ээ=гүй=дэ гэрлээн бү гарагты – ‘Пока отец не придет из юрты, не выходите’.

Боро хараан бол=оо=гүй=дэ хото хорёогойngoо саһа хашиш – ‘Пока не наступили сумерки, смети снег в ограде’.

Модель с семантикой предшествования формируется второй отрицательной формой причастия на *-aa* с показателями *-дүй* ‘еще не’ *-aa-дүй-дэ/-* ‘пока еще не’.

Различие в семантике состоит в том, что событие, обозначенное формой с аффиксом *-дүй*, ожидается с уверенностью (Скрибник, 1988, с. 63).

Г. Д. Санжеев называет эти частицы именем-отрицанием. В ходе исторического развития монгольских языков препозиционные отрицательные частицы *есе* начали постепенно заменяться именами-отрицаниями. Причем причастие настоящего времени с отрицанием выражает такое ожидаемое действие, которое еще не совершилось (Санжеев, 1964, с. 85).

Наличие форм, совпадающих по специфической семантике в контактных языковых ареалах, не может быть случайным. Трудно говорить о направлении влияния, но в монгольских языках форма остается семантически прозрачной и это можно использовать при анализе тюркской формы. Первым компонентом монгольской формы выступает причастие настоящего (прошедшего незаконченного) времени + имя-отрицание с семантикой ‘еще

не’. Причастная форма может смениться на деепричастную (калмыцкий язык). Эта структурная схема присутствует и в тюркских формах.

Первый компонент конструкции – аффикс, оформляющий глагольную форму в тюркологических работах, объясняется как деепричастие на *-а* в якутском и киргизском языках, или причастие на *-зу* в южносибирских языках (Щербак, 1981, с. 178) или *-иг/-ик/-ук* (Сат, 1959, с. 79) или *-ган* (Кастрен, 1957, с. 74; Бенциг 1959, с. 4). Компонент *-лык* Р. М. Бирюкович и Ф. Ю. Юсупов объясняют как аффикс *-лык* (Бирюкович, 1981; Юсупов, 1985).

Д. М. Насилов в статье, посвященной этой форме, анализирует этимологию, предложенную И. Бенцингом (Бенцинг, 1959, с. 4), который возводил ее к аналитической конструкции **ган + элэ + йок*. Эта гипотеза позволяет объяснить конструкцию второго, наиболее темного компонента.

Усилительная частица *элэ* очень употребительна в киргизском языке (Батманов, 1940, с. 64, 68): может быть сопоставлена с общетюркской частицей *ла* (*элэ < /э/ + лэ/*). Эта гипотеза позволяет объяснить наличие в значении данной формы семы усиления, которая передается при переводе словом «еще».

Использование частицы *йок* как отрицания при глагольных формах отмечается в языке желтых уйгуров, а также чулымско-тюркском (Тенишев, 1976а, с. 86; Тенишев, 1976б, с. 140; Бирюкович, 1981, с. 46, 58). Таким образом, структура этой частицы в якутском и киргизском языках – (*элэ + йок > элек / илик*). Данная частица сочеталась с причастной формой на *-зу* (или глагольным именем на *-иг*) или деепричастной формой на *-а* (Насилов, 2000, с. 59). В южносибирских языках аналитическая конструкция синтезировалась, что вполне отвечает тем процессам, которые свойственны этому ареалу.

Центром образования этой формы в тюркских языках является древнекиргизский язык. Это объясняет и ареал ее распространения – зона иррадиации киргизского языка, и то, что наиболее непротиворечиво она этимологизируется на материале киргизского – частица *элэ*, а также то, что закономерности присоединения отрицания *йок* к глагольным формам присутствуют в языках ареала, связанного с древнекиргизским языком.

Ареал распространения формы на *-галак* размывается на периферии, в центре ареала возникают инновационные преобразования. Якутский не затрагивается ни тем, ни другим процессом.

К общесибирским изоглоссам, противопоставляющим сибирские языки другим (или большинству) тюркских языков и сформированным в результате наличия общего и подобного субстрата, общего внешнего влияния (как правило, монгольского) и наличия общих суперстратных элементов, относятся и изоглоссы, связанные с древнекиргизским языком (хотя эти же элементы можно трактовать и как результат монгольского влияния). Таким образом, говорить о наличии общесибирских изоглосс пока можно только на очень ограниченном материале.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БАТМАНОВ И. А. Грамматика киргизского языка. Фрунзе, 1940. Вып. 3.
 БАТМАНОВ И. А., АРГАЧИ З. Б., БАБУШКИН Г. Ф. Современная и древняя енисейка. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962. 259 с.
 БИРЮКОВИЧ Р. М. Семантика и формы выражения способов глагольного действия в чулымско-тюркском языке // СТ. 1980. № 1. С. 68–77.
 Она же. Морфология чулымско-тюркского языка. Саратов: Изд-во гос. ун-та, 1981. Ч. 2.
 БОБРОВНИКОВ АЛ. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
 КОРКИНА Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970.
 КОТВИЧ В. Исследования по алтайским языкам. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
 МАЛОВ С. Е. Лобнорский язык. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1956.
 НАСИЛОВ В. М. Язык тюркских памятников уйгурского языка XI–XV вв. М.: Наука, 1974.
 Насилов Д. М. Заметка о форме *-калак* в шорском языке // Чтения памяти Э. Ф. Чиспиякова II. Новокузнецк, 2000.
 ОРЛОВСКАЯ М. Н. Язык 'Алтан-тобчи'. М.: Наука, 1984.
 ПЮРБЕЕВ Г. Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М., 1993.
 РАССАДИН В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.
 САВИНОВ Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
 САНЖЕЕВ Г. Д. Старо-письменный монгольский язык. М.: Наука, 1964.
 СКРИБНИК Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск, 1988.
 ТАРАСЕНКО Р. Ф. Категория принадлежности в тюркских языках // Исследования по восточной филологии. М.: Наука, 1974. С. 238–240.
 ТЕНИШЕВ Э. Р. Строй сарыг-югурского языка. М.: Наука, 1964.
 Он же. Языки мира. Тюркские языки. Бишкек, 1997.
 Он же. У тюркских народов Китая // Наследие, 1995.
 УБРЯТОВА Е. И. Синтаксис якутского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
 Она же. Историческая грамматика якутского языка. Якутск, 1985.
 Она же. Язык народа – важнейший исторический источник. Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока // Тез. докл. Всесоюз. конф. Новосибирск, 1973. С. 212–225.
 Она же. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
 ШАМИНА Л. А., ЧЕРЕМИСИНА М. И. Причастия на *-галак* (*-калак*) в тувинском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. С. 57–69.
 ЩЕРБАК А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981.
 ЮСУПОВ Ф. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985.

BENZING J. Classification of the Turkic languages // Philologiae Turcicae Fundamenta/ Wiesbaden, 1959.

RAMSTEDT G. Kalmückisches Wörterbuch // Helsinki: Lexika societatis fenno-ungricaе, 1935. S. XXX+560.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

аз.	азербайджанский	алт.	алтайский
бараб.	барабинский	башк.	башкирский
гагауз.	гагаузский	др. т.	древнетюркский
к. -балк.	карачаево-балкарский	каз.	казахский
кирг.	киргизский	каракалп.	каракалпакский
крым.-тат.	крымско-татарский	кумык.	кумыкский
ногай.	ногайский	тат.	татарский
тоф.	тофский (тофаларский)	тув.	тувинский
тур.	турецкий	туркм.	туркменский
узб.	узбекский	уйг.	уйгурский
хак.	хакасский	чул.	чулымско-тюркский
шор.	шорский	як.	якутский